

УДК 81'42

КОНЦЕПТ «БОЙ» В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ, ИТАЛЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

Карпенко У.А.

Когнитивный подход в изучении строения и функционирования языковых систем дал новый импульс для разработки глобальных проблем языкознания – взаимосвязи языка и культуры, исследования картин мира, выявления их национально-культурной специфики. Изучение ситуации, обозначаемой фреймом «Вооруженное противостояние», является *актуальным* и перспективным не только в теоретическом, но и в практическом смысле. Одним из концептов, заполняющих позицию «действие» в данном фрейме, является концепт «Бой». *Цель данной статьи* – проанализировать реализацию его понятийных значений на материале поэтических текстов основоположников и реформаторов литературных языков своих культур (А.С. Пушкина, Дж.Г. Дайрона, А. Манцони), а также выявить их специфику в русской, итальянской, английской культурно-языковой традиции.

Этимологически слово «бой» восходит к «бить» – древнему общеславянскому, от праславянского *beiti с таким же значением. Основа *bei- обозначает «удар» или «орудие» [7, с.42]. Основным толкованием данного слова является «вооруженное столкновение воюющих сторон», в котором актуализируется этимологическая сема [1, с.88]. Для выяснения понятийных значений, формирующих данный концепт, обратимся к анализу микротекстов, логика цитирования которых заключается в описании ситуации самого боя, предводителя в бою, который этот бой олицетворяет. Бой представляется как результат выработанной стратегии, целью которой является победа, участие в бою есть подвиг, сам бой и доспехи помогают воину.

Со свистом туча стрел взвилась, Равнина кровью залилась; Стремглав наездники помчались, Дружины конные смешались; Сомкнутой, дружною стеной Там рубится со строем строй; Со всадником там пеший бьется; Там конь испуганный несется; Там русский пал, там печенег; Там клики битвы, там побег; Тот опрокинут булавою; Тот легкой поражен стрелой; Другой, придавленный щитом, Растопан бешеным конем... И длился бой до темной ночи; Ни враг, ни наш не одолел! «Руслан и Людмила» [5, с. 96].

В данном микротексте наблюдается большое количество глаголов, благодаря которым передан динамизм события. Ситуация в бою меняется очень быстро (туча стрел взвилась – равнина кровью залилась), в нее вовлечены все: дружины, отдельные воины, кони. В бою действует свое время (длился бой до темной ночи), однако завершение этого времени не приводит ни к какому результату (ни враг, ни наш не одолел), следовательно, ситуация боя важна как таковая, а не как ведущая к определенному завершению. После боя возможно наступление другой ситуации, однако она является уже другим фреймом, отличным от «вооруженного противостояния»: *Конь кипит под седоком, сабля свищет, враг валится... Бой умолк – и вечером Снова ковшик шевелится. Д. Давыдов, Песня старого гусара [3, с.42].*

Вновь в описании боя иным автором представлено значительное количество глаголов (3 на 2 стиха), передающих динамизм ситуации боя, в котором ярко выражены фреймовые позиции Актанта-субъекта (седок в значении «сражающийся воин»), Актанта-объекта (враг). Конец боя в тексте имплицирован многоточием. Конец ситуации боя отмечается наступлением другой ситуации – дружеского ужина, что вновь говорит о самооценности боя и о том, что последний не определяется завершающей функцией достижения цели.

В следующем примере реализуется образ главы-героя как участника боя: *Толпой любимцев окруженный, Выходит Петр. Его глаза сияют... Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен. Он весь как божья гроза. Идет. Ему коня подводят, Ретив и смирен верный конь. Почуя роковой огонь, Дрожит. Глазами косо водит И мчится в прахе боевом, Гордясь могучим седоком «Полтава» [5, с.296].*

Воин-царь Петр в образе героя наделяется особой духовной силой. Она заметна в сиянии глаз. Герой совмещает в себе красоту и ужас, вызывает смиренный страх – все эти характеристики соответствуют восприятию бога как языческого, так и христианского. Ему послушен конь, подобно тому как в сказках и мифах волшебный помощник или предмет служит лишь герою, которому предназначен.

Старый воин, который непосредственно не воюет на поле боя, мысленно участвует в сражении:

Но близ московского царя Кто воин сей под сединами? Двумя поддержан казаками, Сердечной ревностью горя, Он оком опытным героя Взирает на волнение боя. Уж на коня не вскочит он, Одрях, в изгнание сиротей, И казаки на клич Палея Не налетят со всех сторон! Но что ж его сверкнули очи, И гневом, будит мглою ночи...Покрылось старое чело «Полтава» [5,с.298].

«Бой» является тем, на что взирает старец, тем, что вызывает в нем горение. Старец этот именуется героем, что, однако, не соотносимо с мифологическим пониманием героя как могучего и бессмертного субъекта действия. Не-участие в боях, пребывание в изгнании ведет к «одряхлению», что соотносимо с пониманием войны как воспитывающей, обучающей силы. Однако, если умудренный воин не может участвовать в сражении физически, ему доступно сопереживание происходящему.

Таким образом, «бой», в отличие от «войны», которая является делом молодых, доступен каждому и вовлекает всякого. Бой воспринимается как радостное событие, как призвание:

Я люблю кровавый бой, Я рожден для службы царской! Сабля, водка, конь гусарский, С вами век мне золотой! Д. Давыдов, Песня [3, с.40].

Посессивами, сопровождающими ситуацию боя и выражающими удаль героя, являются оружие, конь, водка. Последний «посессив» подтверждает, что высшая степень храбрости проявляется тогда, когда воин выходит за пределы сферы рационального. Водка, которую русский народ употребляет, в частности, «для храбрости», представляется принадлежностью славного воина, не менее важной, чем конь или оружие.

Следующий пример показывает, что участником противостояния может быть не обязательно военный человек: *Глаза исполнены тоской, И черной падают волной Ее власы на грудь и плечи. В одной руке блестит тля, В другой кинжал ее булатный. Казалось, будто дева шла На тайный бой, на подвиг ратный «Кавказский пленник» [5, с. 126].*

Бой представляется как действие сугубо положительное, высокое, благородное. В ситуации боя прежде всего реализуются мужество, геройство, а не удаль и молодечество. Человек, решившийся духом на серьезный шаг, чувствует тоску, однако это может быть обусловлено ожидаемой разлукой героини с возлюбленным,

КОНЦЕПТ «БОЙ» В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ, ИТАЛЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

предательством традиций своего народа, а не собственно боем. Атрибутом боя неизменно выступает оружие. Сам бой выглядит как нечто тайное, соотносится с ратным подвигом.

Бой как таинство ассоциируется с обрядами, доступными лишь посвященным. Подобным обрядом может считаться как обряд инициации, так и любое восходящее к нему действо посвящения.

В приводимом ниже микротексте «Бой» наделен эпитетом «верный». Следовательно, «Бой» выступает как своеобразный «союзник» воина.

В пещере иль в траве глухой Кровавый хищник с ним таится И вдруг, внезапною стрелой, Завидя путника, стремится; В одно мновенье верный бой Решиш удар его могучий, И странника в ущелье гор Уже влечет аркан летучий «Кавказский пленник» [5, с. 115].

Значение эпитета «верный» связано с ситуацией победы, одерживаемой «коварным хищником», причем «Победа» достигается не благодаря его воинским качествам, а силе, которая ему помогает. Как в сказочном сюжете, лишившись этой силы, персонаж проигрывает. Сам «хищник» предстает в составе метафоры превращения, он летит «стрелой», возможно в эту стрелу превращаясь. С другой стороны, исход боя – пленение совершается не действием «хищника», а опять-таки его волшебным предметом – арканом, который «влечет» сам, а не «хищник» влечет на нем жертву. Реалистическое описание боя допускает перекодировку в мифологическом ключе.

С целью выявления русской национальной специфики в составе концепта «Бой», сопоставим с выделенными понятийными значениями реализацию данного концепта в инокультурных контекстах.

Ситуация вооруженного противостояния в байроновском тексте выглядит так же, как в русских представлениях о том, что в вихре боя воин переходит из сферы рационального в сферу эмоций, совершая самые отважные поступки:

The heart of fight, the hurry of the gale,
Leave scarce one thought inert enough to quail
“The Corsair” [10, с.336]

В кипенье боя, в яростных волнах
Едва ли с мыслью будет
сплавлен страх «Корсар» [9, с.124]

В цитируемом примере «Бой» вербализируется словом «*fight*», которое истолковано в словаре следующим образом.

Fight – 1. To oppose or struggle against (an anemy) in battle. A battle, struggle, or phisical combat. A quarrel, dispute, or combat. Old English foehtan; related to Old Frisian fiuchta, Old Saxon, Old High German fehtan to fiht [8, с. 574] / *противостоять или бороться против врага в сражении. Сражение, борьба или физический бой. Из староанглийского foehtan, соотносится со fiuchta, старосаксонским, древневерхненемецкое fehtan – бороться.*

Понятие “fight”/«бой» включает сему индивидуальности сражения, что в толковании выражено артиклем единственного числа an, то есть бой с одним врагом, в этом нюансе значения «fight» соотносимо с русским «поединок», в котором сражение происходит один на один.

В приведенном микротексте актуализируется не просто «бой», а “heart fight”/«сердце боя», параллельно приводимое в контексте “hurry of the gale” / спешка, бег прилива. Следовательно, «сердце боя» соотносится с «бегом волн», воды, кажется некоей стихией, неподвластной человеку, которая и не руководит им, но и не управляема им. Данное заключение отличается от значения войны в русских текстах, ее «абсурдности», неподвластности человеку. Так же, как в русском осмыслении отваги в качестве эмоционального, а не рационального проявления, в данном английском примере “Leave scarce one thought inert enough to quail” – «Едва ли с мыслью будет

сплавлен страх», буквально: «едва оставляет единую мысль, достаточно инертную, чтоб струсить, дрогнуть». Следовательно, трусливая мысль – это медленная мысль, мысль холодная, инертная, исходящая от разума и потому невозможная в контексте боя, который предстает живым, наделенным сердцем, в нем нет места трусости, а есть эмоциональный порыв смелости.

When wrath returns to renovated strife
“The Corsair” [10, с.318]

Бой снова разразился дик и яр
«Корсар» [2, с.109]

В данном примере синонимическое “strife”/«борьба» (спор, препирательство) переведено как «бой».

Strife – angry or violent struggle; conflict. From Old French *estrif*, probably from *estriver* to strive [8, с.1528] / *злбная или силовая борьба, конфликт. Из старофранцузского *estrif*, возможно, от *estriver* бороться.*

В данном примере «strife», борьба, начинается снова из-за возобновленного «wrath»/гнева. Следовательно, «strife» – это то, что происходит от гнева и им питается, в отличие от других эмоций, возникающих в бою, которые могут иметь не темное, как злость, а благородное, светлое начало, как, например, «отвага» в русских текстах. Однако в следующем микротексте сражающийся, несмотря на то, что он является носителем гнева, показан доблестным и благородным:

Must he alone of all retain his breath,
Who more than all had striven and
struck for death? “The Corsair” [10, с.320]

Ужель дыханье будет в нем одном,
Кто, в жажде смерти,
бился ярим львом? «Корсар» [2, с.111]

В анализируемом примере интересно употребление глагола “striven” – бился, не «против», а «за», ради чего – *striven and struck for death* / боролся и бился за смерть, чтобы получить смерть как достигнутую цель. Состояние «выжить» указывается как “retain his breath” – «удержал дыхание». В русском переводе используется сравнение с животным, символизирующим «ярый бой», однако животное более ассоциируется с силой, чем с продуманностью, что прослеживается в английском тексте, в котором цель битвы четко осознается – герой сражается, чтобы найти смерть. Таким образом, в английском оригинале “strife” в значении сражения выглядит как нечто рационально осознаваемое, в отличие от русского, в котором ситуация боя предстает более эмоциональной, чем рациональной.

Оговорим, что на итальянском материале не было обнаружено показательных микротекстов со словом “*combattimento*”, наиболее точно соответствующим переводу слова «бой». Однако удалось выявить контексты, в которых концепт «Бой» вербализируется дериватами от слова “*pugno*” (кулак), обозначающими рукопашный бой. В ситуации боя воительницей называется сама страна Италия: *E questa donna di contado lido Questa antica, gentil donna pugnace “Il proclama di Rimini”* [9, с.73] «*Эта донна с великого берега, с древней славой военной и благородной*».

Донной называется Италия, находящаяся в столь важной части мира (великий брег), богатая благородными традициями, увенчанная военною славой. Сравнение страны с воительницей корнями уходит в историю амазонских сражений, отражается в искусстве многими шедеврами скульптуры и живописи, изображающими сражающихся воительниц. Возможно также отметить коннотацию матери-земли создаваемого образа Италии. В контексте подобного олицетворения бой представляется благородным, помещаясь в контекст воспетой военной доблести античных времен. В самом

КОНЦЕПТ «БОЙ» В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ, ИТАЛЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

словоупотреблении Донна наделяется определением "pugnace" то есть та, что борется своими руками, идет врукопашную, защищая свою землю.

Олицетворение Родины свойственно также и русской культуре. Подобный троп имеет грамматическую базу, поскольку слово «Родина» женского рода. Также данное сравнение имеет фольклорную основу (ср. мать-сыра земля и более позднее «Россия-матушка»). Однако в русском языковом сознании фигурирует Россия-матушка, а не воительница. В контексте подобных номинаций имеет место только защита родной земли, а не нападение. Защита в обеих культурах всегда наделяется положительной оценкой.

O tali a cui piu' bella Pugna sembri tra loro ingiuria farse. "Il proclama di Rimini" [9, с.74]. «О те, кому приятен бой, за нанесенное оскорбление».

Вновь бой именуется словом «Pugna» (рукопашный бой). Ситуация противостояния снабжена положительной коннотацией, поскольку причиной является реакция обиженных на оскорбление. Отметим, что слово «Pugna» имеет позитивную оценку, поскольку, как правило, используется в ситуации защиты тех, на кого напали, или протеста обиженных.

В русском языковом сознании не столь конкретно выражается способ битвы («кулак» – "pugno"), однако действие защиты называется четко.

Выводы. Концепт «Бой», активно реализующийся в русской, английской, итальянской культурах, на русской почве обретают национальную специфику.

«Бой» видится как ситуация войны, возникающая по воле стратега, но после момента своего возникновения она стремительно развивается при активном участии сражающихся воинов. Конец боя определяется не целью, а сменой фрейма, то есть возникновением другой ситуации.

Бой вовлекает всех: и молодых солдат, и сопереживающих старых воинов. Бой видится призыванием, воспринимается как яркое событие.

Основным отличием в перцепции боя является его эмоциональное восприятие. В целом ряде контекстов русской художественно-речевой картины мира выражается радостное видение боя.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1535 с.
2. Байрон Джордж Гордон. Собрание сочинений: В 4-х тт. – М.: Правда, 1981.
3. Давыдов Денис. Стихотворения // Русская лирика XIX в./ Вступ. статья и составление Вл. Орлова. – М.: Худ. лит., 1981. – С.37-48.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1. А-З. – М.: Рус. яз., 1981. – 699 с.
5. Пушкин А.С. ПСС в 10-ти тт. – Т. 4. Поэмы. Сказки. – М.: АН СССР, 1963. – 595 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс. – Т. 1 (А-Д), 1986. – С.573.
7. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. – К.: Радянська школа, 1970. – 597 с.
8. Collins English dictionary, Third edition. Harper Collins Publishers, 1991.
9. Manzoni A., Poesie, Oscar classici Mondadori, a cura di Ferruccio Ulivi.
10. Selections from Byron. – Moscow: Progress Publishers, 1979. – P. 520; Русские переводы Г. Шенгели // Байрон Дж.Г. Собрание в 4-х томах. – М.: Правда, 1981. – С.367. – Т.3.

Поступила в редакцию 14.04.2006 г.